В.В. Калугин

"Широковещательное и многошумящее писание"

Грозного-писателя нередко упрекали за многословие. Князь Андрей Курбский, отвечая "на зело широкую епистолию" царя Ивана, высмеял ее и метко окрестил "широковещательным и многошумящим писанием" (ПГК. С. 101) [1]. Он считал излишне растянутое повествование признаком бездарности и невежества автора. Его взгляд на искусство слова сложился под влиянием книжно-славянской традиции и западноевропейских гуманитарных наук [2].

Со времен классической древности достоинствами эпистолярного стиля признавались лаконизм, ясность и точность. В сочинении "О стиле" Деметрий (видимо, около I в. н. э.) учил: "В письме одинаково важны и слог (lexis) его, и длина (megethos). Письма слишком длинные и к тому же отягощенные пышным слогом настолько лишаются естественности, что из писем превращаются в трактаты..." [3]. В риториках, например в произведении Квинтилиана "Об образовании оратора", многоречивость называется периссологией и подвергается критике [4]. Если в античности краткость объявлялась законом эпистолярного жанра, то в византийской литературе этот критерий постепенно утратил значение общепринятой нормы. В теоретическом плане требование лаконизма по-прежнему сохраняло силу и постоянно декларировалось [5]. В действительности же письма стали длиннее [6]. Их объем - вне зависимости от содержания - возрос в эпистолографии Палеологовского возрождения. Димитрий Кидонис (XIY .) осудил лапидарность как самоцель в творчестве. Автор, поставивший себе такую задачу, лишь "терзает письма, чтобы выразить величие замысла, хотя великое искусство не втиснуть в рамки коротких писем" [7].

Эти слова в некоторой степени объясняют длинноты в "широко-

вещательном писании" Грозного. Царь Иван не хотел понапрасну "терзать письмо", чтобы сжато выразить величие идей неограниченного самодержавия и излить накопившуюся обиду на бояр и "крестопреступников". Само содержание требовало монументальной формы. "Первое послание князю Курбскому" переросло в публицистический трактат, посвященный обоснованию и прославлению абсолютной монархии. Оно написано торжественным, местами вычурным стилем и составило по меркам прошлого целую книгу [8].

Древнерусские писатели осуждали языковую избыточность текста. "Сытость бо и длъгота слова ратник есть слуху, яко и преумноженная пища - телесем..." ("Ведь излишество и длинноты в рассказе - враг слуха, как изобильная пища - враг тела..."), - утверждается в "Житии Сергия Радонежского" [9]. В Московском царстве носителем традиций античной и византийской эпистолографии был Максим Грек. Его научный и нравственный авторитет был огромен. Курбский преклонялся перед ним: "...Муж зело мудрый, и не токмо в риторском искустве миог, но и философ искусен..." (РИБ. Т. 31. Стб. 207) [10]. Максим Грек предъявлял к эпистолярному стилю требования "краткословия" и "меры" - соразмерности [11]. Он постоянно называл свои послания "малыми" или "краткими писмены", а также просто "малая" [12]. Хотя многие авторы заявляли о своей теоретической установке на лаконизм литературной речи, они далеко не всегда соблюдали это правило на деле, не желая прослыть "скупыми отвещателями" [13]. Стремление сказать много "в кратких словесех" иногда порождало серьезные затруднения. Другой уважаемый Курбским книжник, Федор Карпов (см.: РИБ. Т. 31. Стб. 436), в пространном "Послании митрополиту Даниилу" опасался разочаровать его скупым ответом, но вместе с тем и боялся растягивать "эпистолию" до "язычских" размеров [14]. Определение язычский восходит к латинским словам **barbaricus** - "варварский, дикий" и **barbarus** - "варварский",

"грубый, некультурный, дикий" [15]. В "Послании Максиму Греку о Третьей Книге Ездры" Карпов в самоуничижительной формуле назвал многоречие грубым [16]. Для него, как и впоследствии для князя Андрея, "варварством" было незнание грамматики, риторики, произведений античных мудрецов [17].

Курбский высоко ценил точность и лаконизм речи. Его стилю свойственна афористичность. Он также отрицательно заметил о "сытости слова" в "Ответе о правой вере Ивану многоученому" (РИБ. Т. 31. Стб. 374). В демонстративно "кратком отвещании... на зело широкую епистолию" Грозного боярин осмеял его "широковещательное и многошумящее писание" и "варварскую" литературную манеру. Он ставил Ивану в пример искусных авторов, умеющих писать "в кратких словесех многой разум замыкающе", стыдил его тем, что он, отправив свое невежественное сочинение в просвещенные чужие земли, выставил себя на всеобщее посмешище, осрамился перед учеными мужами, знающими не только грамматику и риторику, но и диалектику с философией (ПГК. С. 101). Щеголяя европейской образованностью, Курбский подчеркивал, что мог бы "на кождое слово... отписати" царю, но удержал "руку со тростию" (ПГК. С. 102). В своем ученом письме он отказался от традиционной системы ответа, выработавшейся в канцеляриях Московской Руси.

В приказном делопроизводстве было принято отвечать "на кождое слово" входящего документа. Сначала обычно излагалось существо дела. Далее по порядку и близко к тексту пересказывались или цитировались его положения, а за каждым из них следовал ответ. Структура рассматриваемого документа определяла структуру ответа на него. Именно так составлены многие исходящие деловые бумаги и грамоты Ивана IУ [18]. Я.С. Лурье установил, что его "широковещательное писание" в точности повторяет первое послание Курбского. Самодержавный государь оспаривал обвинения вассала порой кратко,

иногда - очень пространно, но ни разу не нарушил композиции его произведения [19]. Древнерусские публицисты использовали похожий прием опровержения по пунктам доводов противника. К нему прибегал Иосиф Волоцкий в "Просветителе", любимой книге Грозного [20]. Такой способ вести спор мог вступать в противоречие с требованием краткости. Поэтому Курбский уклонился от развернутого ответа на политический трактат в эпистолярной форме. В третьем письме царю Ивану он вновь назвал его опус "широковещательным листом", многословие - "варварской" манерой (ПГК. С. II0) и вообще выделял свое намерение писать кратко (ПГК. С. II4, II7).

Отдельные мысли и даже выражения из этой критики повторяются в других сочинениях князя Андрея. Такие совпадения свидетельствуют о целостности литературно-эстетических убеждений писателя, предъявившего разным оппонентам одни и те же упреки и требования. Ю.Д. Рыков доказал текстологическую взаимосвязь между первой "грамотой Курбъского царю государю из Литвы" и его антипротестантским письмом польскому шляхтичу Кодияну Чапличу [21]. Этот важный вывод можно дополнить примерами из других источников.

"Второе послание Грозному" было создано беглым воеводой в ответ на "многошумящее писание" от 5 июля I564 г. Но много лет, до сентября I579 г., он не мог отправить его в Москву, потому что во время затяжной Ливонской войны границы были закрыты (ПГК. С. II0). За долгие годы у автора было более чем достаточно возможностей еще раз обдумать содержание и сделать в нем изменения. "Эпистолия" против лютеранина Чаплича датирована 2I мартом I575 г. Между этими произведениями имеются точки соприкосновения. Курбский охарактеризовал пространное письмо Чаплича как "широковещательны... лист... з должайшею экзордиею", то есть с очень длинным вступлением, и противопоставил ему свой "малыи сокращенныи ответ" (РИБ. Т. 3I. Стб. 437). Он иронизировал над болтливостью

протестанта в религиозном диспуте и обращал внимание на краткость своей речи (РИБ. Т. 31. Стб. 438, 442). Чапличу было предъявлено обвинение в кощунстве: он насмехался над Писанием, "словеса священные от божественных книг хватаючи" (РИБ. Т. 31. Стб. 441). Этим же выражением Курбский критиковал Грозного за пристрастие к цитированию. Венчанный автор, подобно своему наставнику митрополиту Макарию, любил приводить обширные выписки из библейских и святоотеческих творений [22]. Боярина возмущало, что в царской грамоте было "ото многих священных словес хватано" (ПГК. С. 101). Вопреки всем правилам риторики и эпистолографии Иван IV цитировал "не строками, а ни стихами, яко есть обычай искусным и ученым, аще о чем случиться кому будет писати, в кратких словесех многой разум замыкающе, но зело паче меры преизлишно и звягливо [многословно и пустозвонно. - В.К.], целыми книгами, паремьями, целыми посланьми!" (ПГК. С. 101). Курбский изображал своего августейшего противника полным невеждой в искусстве красноречия. В предисловии к переведенному с латыни "Богословию" Иоанна Дамаскина князь Андрей объяснял читателю, что риторика "учит зело прекрасне и пресходне глаголати, ово вкратце многой разум замыкающе [23], ово пространне разширяюще, но и то под мерами, не допущающе со велеречением много звягати [пустословить. - В.К.]" [24]. Текстологическое сходство этого отрывка со "Вторым посланием Грозному" очевидно. Мы имеем дело с позднейшей вставкой в письмо. Перевод "Богословия" Дамаскина появился позже "эпистолии". А.С. Архангельский датировал его временем между 1575 и 1579 г. [25].

Курбский считал одним из главных недостатков Грозного-писателя его напыщенное пустословие. Такое отношение к ходульной риторике традиционно. Оно восходит к античной теории письма, получившей развитие в средневековье [26]. В трактате об эпистолярном стиле, позднее приписываемом то Проклу, то Либанию (IV в.), дает-

ся совет "не увлекаться излишним трезвоном, ибо стилю писем чужда и неоправданно велеречивая напыщенность слога и злоупотребление аттикизмом, как свидетельствуют все древние. ...Человек, опытный в слове, не болтает попусту, не ищет спасения в краткости, не запутывает понимания. Напротив, слог его соразмерен и изящен, и речь его прекрасна своей ясностью" [27]. Курбский всеми силами старался показать, что его утонченному слуху претит "многошумящий" трезвон "царя-варвара".

Важной вехой в истории красноречия явилось творчество отца церкви Григория Назианзина, христианского Демосфена (IУ в.). Князь Андрей видел в нем идеальный образ мыслителя, осуществившего высший синтез церковной и светской (античной) культур (РИБ. Т. 3I. Стб. 453). Курбский доказывал необходимость такого подхода в образовании [28]. Он покупал и переводил с латыни сочинения великого святителя (РИБ. Т. 3I. Стб. 4I7-420).

Григорий Назианзин, предъявляя к эпистолярному стилю классические требования краткости, ясности и общепонятности, особо выделял критерий соразмерности содержания и формы. Его послание Никобулу стало программным документом христианской эпистолографии. В нем определены законы эпистолярного жанра, развивающие учение античных риторик [29]. "Из тех, кто пишет письма, раз уж ты об этом спрашиваешь, - отвечал Григорий Назианзин, - одни пишут длиннее, чем пристало, другие же слишком куцо, и в обоих случаях они грешат против меры. Так, лучники, которые попадают то мимо, то выше цели, - ошибаются в равной мере, хотя по-разному. Мерило писем - общеупотребительность; и не надо ни слишком длинно описывать события, когда их мало, ни слишком скупо, когда их много. Не должно мерить мудрость ни персидскими верстами [персидская мера длины, схем, около 5,5 км. - В.К.], ни детскими локтями и писать с такой скудостью, будто это и не описание вовсе, а лишь на-

мек, напоминающий ту сливающуюся линию полуденных теней или черту, направленную нам прямо в лицо, длина которой незрима и различима лишь по каким-то граням; это есть, я бы кстати сказал, подобие подобий, а нам нужно и в том и в другом, не уклоняясь от меры, находить то, что уместно. Так я понимаю сжатость" [30]. Григорий Назианзин отверг краткость как самоцель в творчестве. Он объявил главным достоинством текста гармонию содержания и формы.

Григорий Назианзин был одним из любимых писателей Максима Грека. Святогорец переводил его творения на книжно-славянский язык и комментировал их [31]. Продолжая традиции византийской эпистолографии, Максим Грек высказывался за соблюдение "меры" в письме [32]. В "Послании Василию Ш о переводе Толковой Псалтири" он доказывал, что выбор лаконичной или пространной манеры повествования зависит от значения темы. Употребленное им выражение "малыми многа заключати" напоминает фразу Курбского "в кратких словесех многой разум замыкающе" из ответа Грозному и соответствующее место из предисловия к "Богословию" Иоанна Дамаскина. Обращаясь к великому князю, Максим Грек оправдывал свой затянувшийся рассказ важностью и широтой затронутых в нем вопросов: "...Аще негде многоглаголив что узрюся, никто да удивится, поведающему бо о едином некоем удобно есть и малыми многа заключати, изъявляющему же о многих и различных не токмо неудобно сие есть совершитися от него, но и зело неугодно и себе и слышащим обрящется..." [33]

Курбский тоже писал пространные послания. Значительны по объему созданные им накануне побега за рубеж антипротестантский "Ответ Ивану многоученому о правой вере" и второе письмо старцу Вассиану Муромцеву, памфлет на состояние дел в Московском царстве (РИБ. Т. 31. Стб. 361-376; 383-404). И для него показателем литературного мастерства служил критерий "меры". Князь Андрей призывал брать пример с отцов церкви: Василия Великого, Григория На-

зианзина, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, получивших блестящее гуманитарное образование (РИБ. Т. 31. Стб. 453). Они "мудре и прекрасне под мерами и чины грамотическими и риторскими философским обычаем писали..." [34] Риторика и диалектика воспитывают чувство соразмерности, необходимое для искусного владения словом [35]. Соразмерность и умеренность были не только эстетическими категориями красоты. Они возводились в ранг добродетели (РИБ. Т. 31. Стб. 242, 255, 348 и др.). Их отсутствие являлось признаком безобразия, низменных страстей и пороков. Московский государь, уверял Курбский, невежествен и "растлен разумом". Поэтому он пишет "зело паче меры преизлишно и звягливо", а значит, - варварски (ПГК. С. 101. Ср. с. 106).

Грозный проигнорировал колкости ученого вассала и продолжал создавать обширные послания, изумляя корреспондентов. В 1581 г. польский король Стефан Баторий, удивленный величиной его грамоты, насмешливо сказал: "...Должно быть, начинает с Адама" [36]. Между тем он получил вовсе не самое большое письмо Ивана. Острота Батория попала прямо в цель. Грозный действительно мог начать "с Адама" и даже раньше - от сотворения мира. Так он поступил в грамоте польскому вице-регенту в Ливонии князю А.И. Полубенскому. Она композиционно делится на две части: грандиозных размеров торжественный царский титул, начинающийся от сотворения мира и занимающий бо́льшую часть письма, и собственно сообщение [37].

О том, что царь Иван был "многоречив зело", также упоминается в "Летописной книге", приписываемой И.М. Катыреву-Ростовскому [38]. Однако для ее автора это достоинство, а не порок Грозного. В его глазах искусное многоречие и было подлинным красноречием. Такой взгляд на ораторский талант соответствует эстетическим представлениям эпохи Ивана IУ. В официальной литературе ХУI в. возникла тяга к монументальности. Авторы стремились поразить во-

образение читателей объемистыми произведениями, сложностью языка, риторическими ухищрениями, ученостью и начитанностью [39]. Сложившийся стиль "объединял всю пестроту предшествующих приемов книжного повествования в однородную, цветистую одежду, достойную величавых идей третьего Рима и пышности всероссийского самодержавства" [40]. В ответ на обвинения Курбского в тирании Грозный создал апофеоз абсолютной монархии и облек его в монументальную форму. Он подавлял оппонента лавиной фактов и примеров, книжно-славянской эрудицией и обширными цитатами из авторитетных творений.

Многословие - это также способ иррационального, эмоционального, воздействия на аудиторию. Иван настойчиво возвращался к какой-либо теме, намеренно повторялся, склонял на все лады одну и ту же мысль, по его меткому выражению "едино слово обращая семо и овамо" (ПГК. С. 70. Ср. то же на с. 21), чтобы исподволь внушить читателю свое мнение, убедить его в своей правоте. Он хотел во что бы то ни стало оставить последнее слово за собой. За многоречивостью словоохотливого монарха порой скрывается отсутствие глубоких идей и убедительных аргументов. Грозный попросту пытался переговорить противника.

В его произведениях необходимо различать многословие как литературный прием и как стилистический недостаток, в ряде случаев вызванный влиянием разговорного языка. По всей вероятности, царь диктовал многие сочинения и допускал погрешности, свойственные устной речи, и прежде всего - плеоназм. Иван IУ замечал свои ошибки, но не любил признавать их. Всеми правдами и неправдами он старался переложить на оппонента вину за свои упущения: перебои в повествовании, многословие, повторение фраз, нарушение речевого этикета. Предвидя упреки Курбского, он поспешил первым перейти в наступление и заявил: "Речеши ли убо, яко, едино слово обращая, пишу? Понеже бо есть вина и главизна [причина и суть. - В.К.]

всем делом вашего злобеснаго умышления..." (ПГК. С. 21). Если его стиль несовершенен, оправдывался Грозный, то только из-за боярской крамолы. В "Послании шведскому королю Юхану III" 1573 г. он снова возвел обвинение на самого обвинителя: "...А иное и потому же столко писали, что от тебя без разсуженья ответу не было ни о чем", то есть: "...А иногда потому так пространно писали, что если тебе не разъяснить, то от тебя и ответа не получишь" [41]. Юхан III был оскорблен в своих лучших чувствах. Но именно эту цель - любой ценой как можно больнее уязвить противника - очень часто и преследовал царь Иван. Его "кусательный" - насмешливый, едкий - стиль мог вывести из себя любого. Недаром Курбский был раздосадован тем, что Грозный, нарушая законы эпистолярного жанра, писал "многошумяще", с сильными угрозами, и "кусательне", ядовитс и зло (ПГК. С. 101).

Гуманитарная ученость князя Андрея дала о себе знать в его, на первый взгляд более чем странном, требовании: беглый вассал ждал от обманутого государя утешения и сострадания! Курбский больше всего на свете боялся прослыть изменником по расчету. Он болезненно реагировал на обвинения в заурядном предательстве. Ему было необходимо оправдаться в глазах общественного мнения России и Польско-Литовского государства [42]. Ведь обличитель тирана и страдалец за правду должен иметь незапятнанную репутацию. За границей перебежчик первым делом объявил себя жертвой царского произвола. Жалобы на черную неблагодарность Ивана, его беззаконные преследования и репрессии многократно повторяются в сочинениях Курбского. Он убеждал читателя в том, что его эмиграция ("странство") равносильна незаслуженному изгнанию от горячо любимого отечества (ПГК. С. 101, 106) [43]. Боярин постоянно говорил о себе как об угнетенной невинности: "...Всего лишен бых и от земли Божия тобою туне отогнан бых" (ПГК. С. 8. Ср.: PИБ. Т. 31.

9-110

Стб. 309-310, 346). Ему явно доставляло удовольствие сравнивать себя с великими противниками деспотизма и изгнанниками древности – Марком Туллием Цицероном и Иоанном Златоустом. Не случайно он включил в "Третье послание Грозному" свой перевод двух отрывков из "Парадоксов" "премудраго Цицерона", посвященных Марку Бруту – одному из убийц диктатора Юлия Цезаря (ПГК. С. 111-113). В позиции Курбского можно увидеть сугубо книжную подоплеку.

Античные теоретики эпистолярного стиля разработали детальные классификации писем. В них представлен тип утешительного письма [44]. Эпистолярный этикет предписывал ободрять друзей и знакомых, претерпевших житейские невзгоды и огорчения. Утешительные послания известны в творчестве византийских и древнерусских авторов. Их часто писал Максим Грек, сполна испытавший на себе превратности судьбы и дружбы [45]. В гуманистической эпистолографии существовало особое письмо, утешающее в изгнании, – epistola consolatoria exilii [46]. Курбский мог познакомиться с идеями гуманистов в эмиграции [47]. В ХУI в. польское Возрождение переживало бурный расцвет. Это столетие вошло в историю польской литературы как Золотой век.

Князь Андрей настолько вжился в роль без вины виноватого, что требовал от Ивана IУ сострадания к себе. Он демонстративно возмущался тем, что монарх прислал ему, бывшему советнику и верному слуге, "многошумящее писание", угрожающее и хулительное. Перебежчик считал, что не заслужил такого обращения с собой. Он надеялся услышать от раскаявшегося тирана слова сочувствия и жалости: "И вместо утешения, во скорбех многозех бывшему, аки забыв и отступивши пророка – не оскорбляй, рече, мужа в беде его, довольно бо таковому, – яко твое величество меня, неповиннаго, во странстве таковыми, во утешения место, посещаеш. Да будет о сем Бог тобе судьею. И сице грысти кусательне за очи неповиннаго мя

мужа, ото юности некогда бывшаго вернаго слугу твоего!" (ПГК. С. 101). Как бы ни выделял Курбский светские гуманитарные науки, он постоянно оглядывался на церковнославянскую книжную традицию. Князь Андрей добивался от царя утешительного письма, по правилам эпистолографии положенного изгнаннику, но обосновал свои притязания ссылкой на ветхозаветную Книгу Премудрости Иисуса сына Сирахова (IУ, 2; УП, 11. См.: ПГК. С. 405). В ней боярин мог найти оправдание своему поведению и обвинения в адрес Ивана (ПГК. С. 110. 411).

Культ дружбы был чужд Грозному. Самодержец не имел обыкновения признаваться в любви и приязни своим адресатам. Он спорил с врагами и политическими соперниками, распекал подданных. Иллюзия авторского присутствия в его посланиях призвана устрашить и подавить, а не утешить корреспондента. Своим огромным ответом монарх уничтожил созданный Курбским возвышенный образ тираноборца и представил его низким предателем. Эмигранту оставалось лишь только утверждать, что "широковещательное и многошумящее писание" не соответствовало его действительным заслугам и душевному состоянию. Противоречие между положением адресата и посланием к нему было запрещено правилами западноевропейской эпистолографии. Еще в компилятивной "Риторике" Юлия Виктора (IУ в. н. э.) первостепенное значение придавалось воздействию письма на его получателя. Римский ученый предупреждал, что оно должно отвечать личности и настроению адресата: "Пусть письмо не будет шутливым, если оно пишется лицу вышестоящему, грубым - если равному, надменным - если подчиненному, неряшливо написанным - если ученому, невнимательно составленным - если неученому, пусть не будет оно состоять из избитых выражений, если пишется самому близкому человеку, если же менее близкому, то пусть не будет недружелюбным; с рвением приветствуй благоприятные обстоятельства, чтобы усугубить радость;

когда сталкиваешься с горюющим, утешай кратко, так как рана кровоточит даже тогда, когда к ней прикасаются ладонью" 48. По отношению к Грозному, замечает Д.С. Лихачев, Курбский занял позу утонченного и вкусившего западной образованности интеллектуала, свысока поучающего грубого неуча (ПГК. С. 204). Он бурно возражал против надменного, угрожающего и "варварского" послания, предназначенного ему, ученому книжнику, рыцарю без страха и упрека, который по наветам врагов был "туне отогнан ото оные земли любимаго отечества" (РИБ. Т. 3I. Стб. 346).

Так и не дождавшись от Грозного утешения, князь Андрей обрел его в литературных трудах. В предисловии к "Новому Маргариту", сборнику переведенных с латыни сочинений Иоанна Златоуста, он рассказывал, что в тяжелую пору жизни нашел спасение в книгах: "Помянух же и обращахся в скорбех ко Господу моему, со воздыхании тяжкими и со слезами, просяще помощи и заступления, да отвратит гнев свой и их и да не презрит унением потребитися. И утешающи ми ся в книжных делех и разумы высочайших древних мужей прохождах. Прочитах, разсмотрях физические, и обучахся и навыках еттических ["Физика" и "Никомахова этика" - сочинения Аристотеля. - В.К.]. Часто же обращахся и прочитах сродные мои священные писания, ими же праотцы мои были по душе воспитанны" 49. Курбский, подчеркивая свою европейскую просвещенность, и на этот раз не забыл указать на верность церковнославянской традиции. Книги признавались лекарством душевным еще в Библии: "...утешение имуще святых книг в руках наших..." (Первая книга Маккавейская, XII, 9) 50, а на заре русской литературы - в "Повести временных лет": "...сими бо в печали утешаеми есмы..." 5I

Парадокс переписки Грозного и Курбского заключается в том, что они спорили на разных языках. Теоретические установки самодержавного автора были традиционны. В мире православного славян-

ства исключительное значение имели образцовые произведения. Они заменяли собой грамматику и учебники красноречия. Искусный книжник должен был в совершенстве знать литературные эталоны разных жанров, их язык, топику и поэтику. Древнерусский писатель жил и творил по образцам. Освященные седой стариной, они казались незыблемыми и были высшим мерилом художественных ценностей. Князь Андрей никогда не порывал с этой многовековой традицией. Но он пытался привить к ней достижения западноевропейских гуманитарных наук. Продолжатель дела Максима Грека, Курбский требовал соблюдать в творчестве законы грамматики, элоквенции, диалектики, логики. Он воспринимал послания и поступки Ивана IУ через призму "словесных художеств". Их литературный спор имел односторонний характер. Курбский высмеивал Грозного как писателя, но не получал от него прямого ответа. По пунктам опровергая политические и религиозно-нравственные обвинения, Иван делал вид, что не замечает колких насмешек и упреков в бездарности и невежестве. Он не нашел равноценного противоядия против ученой критики. Царь был незнаком с приемами и ухищрениями собственно литературной полемики. Такого жанра просто не существовало в Древней Руси. Его уязвленное авторское самолюбие заставляло отражать нападки противников не теоретическими аргументами, а неожиданными выходками и выпадами. Мастер изворотливости, Грозный допускал, что в его сочинениях не все гладко, но причину этого видел в окружавших его изменниках или бестолковости оппонента.

Борьба между традиционным и гуманитарным направлениями в литературе и книжном языке началась задолго до знаменитой переписки и продолжилась после нее [52]. Она породила сложные культурные коллизии и привела к национальной трагедии. В XУП в. духовные устои Третьего Рима потряс раскол русского общества и сознания, вызванный грамматической реформой патриарха Никона священных церковнославянских образцов.

---

[1] Ссылки на издание: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1993 – даются сокращенно в тексте: (ПГК).

[2] Этому вопросу посвящены ценные исследования Д. Фрейданк. См.: Freidank D. A.M. Kurbskij und die Epistolographie seiner Zeit // Zeitschrift für Slawistik, 1976. Bd 21. H. 3. S. 261-278; Freidank D. Zwischen griechischer und lateinischer Tradition: A.M. Kurbskijs Rezeption der humanistischen Bildung // Zeitschrift für Slawistik, 1988. Bd 33. H. 6. S. 806-815.

[3] Античные риторики / Собр. текстов, ст., коммент. и общая ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 273-274.

[4] Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936. С. 225.

[5] Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner: (Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft. Fünfter Teil. Bd 1). München, 1978. Bd 1. S. 219-220.

[6] Сметанин В.А. Эпистология поздней Византии, проэлевсис (конкретно-историческая часть) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1978. Сб. 15. С. 64-67.

[7] Цит. по: Там же. С. 66, 76.

[8] Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 21, 197.

[9] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XУ веке / Сообщил архимандрит Леонид / ОЛДП; ПДПИ. Т. 58. СПб., 1885. С. 22.

[10] Ссылки на издание: Сочинения князя Курбского: Т. 1. Сочинения оригинальные / Под смотр. С.Ф. Платонова и под ред. Г.З. Кунцевича // РИБ. СПб., 1914. Т. 31 – даются сокращенно в

9*– 112

тексте: (РИБ. Т. 31).

11 Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 105.

12 Там же. С. 104, 118.

13 Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 514. (Подгот. текстов Ф.И. Карпова, пер. и коммент. Д.М. Буланина.)

14 Там же. С. 514, 516.

15 Ср.: Там же. С. 748.

16 Там же. С. 504.

17 Там же. С. 518.

18 Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 258.

19 Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. Пер. и коммент. Я.С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 530. См. также: Сергеев В.М. Структура текста и анализ аргументации Первого послания Курбского // Методы изучения источников по истории общественной мысли периода феодализма: Сборник научных трудов. М., 1989. С. 119, 125–126.

20 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 456–457; Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 79; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. С. 437–438. (Статья написана Я.С. Лурье.)

21 Рыков Ю.Д. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 239.

22 Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. С. 52.

23 В публикации М.А. Оболенского это место передано так:

"...много и разум замыкающе..." Исправлено нами по аналогии со вторым письмом Курбского Ивану Грозному.

[24] Оболенский М.А. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиографические записки. [М.,] 1858. Т. 1. № 12. Стб. 365.

[25] Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1888. Ч. 258. Август. С. 260-261.

[26] Античные риторики. С. 273-274.

[27] Античная эпистолография: Очерки. М., 1967. С. 24. (Очерк написан Т.А. Миллер.)

[28] Оболенский М.А. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина. Стб. 361.

[29] Попова Т.В. Византийская эпистолография // Византийская литература. М., 1974. С. 190.

[30] Античная эпистолография. С. 22. См. то же: Сметанин В.А. Эпистология поздней Византии, прозлевсис (конкретно-историческая часть). С. 65. Сравнение автора с лучником, подкрепляющее своей образностью тезис о необходимости соблюдать соразмерность в письме, повторяется в трактате об эпистолярном стиле, который в поздней рукописной традиции связывается с именами Прокла или Либания. См.: Античная эпистолография. С. 24.

[31] Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. С. 30-52, 184-186.

[32] Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1859. Ч. 1. С. 529.

[33] Там же. 1860. Ч. 2. С. 300-301.

[34] Оболенский М.А. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина. Стб. 363.

[35] Там же. Стб. 365.

36 Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию: (Осада Пскова) / Пер. с польск. О.Н. Милевского. Псков, 1882. С. 39.

37 Послания Ивана Грозного. С. 197-202 (царский титул) и с. 202-204 (само письмо).

38 Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 620, 707.

39 Лихачев Д.С. Развитие русской литературы Х-ХVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 135.

40 Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики ХVI-ХVII в. // Известия ОРЯС. СПб., 1909. Т. 13. Кн. 4. С. 346.

41 Послания Ивана Грозного. С. 160, 350.

42 Лихачев Д.С. Великий путь: Становление русской литературы ХI-ХVII веков. М., 1987. С. 180.

43 Ср.: Оболенский М.А. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина. Стб. 358, 360; Kurbskij A.M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. Hrsg. von Inge Auerbach. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen.) Giessen, 1976. Bd 1. Lfg. 1-5. S. 1, 3v.

44 Античная эпистолография. С. 11, 23.

45 Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. С. 111-112.

46 Freidank D. A.M. Kurbskij und die Epistolographie seiner Zeit. S. 330.

47 О творчестве Курбского и гуманистической эпистолографии см. там же, S. 325-332.

48 Античная эпистолография. С. 20-21.

49 Kurbskij A.M. Novyj Margarit. S. 4v.

[50] Острожская Библия 1581 г. / Фототип. переизд. текста с изд. 1581 г. под набл. И.В. Дергачевой. М.; Л., 1988. Л. 11 в.

[51] Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева. Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод. С. 102.

[52] О традиционном, текстологическом, и грамматическом подходах к литературному языку см.: Толстой Н.И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина ХУI-ХУП в.) // Славянское языкознание: Доклады советской делегации: У Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963. С. 258-261; Он же. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (ХУI-ХУП вв.) // Вопросы русского языкознания. М., 1976. Вып. 1. С. 177-179; Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-ХУП вв.). München, 1987. С. 78-79, 200-202, 245-248, 255-258, 311-316, 339-344; Живов В.М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в ХУ-ХУП вв. // Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г.: Доклады российской делегации. М., 1993. С. 106-121.